

MINISTRY OF CULTURE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
COMMITTEE OF CULTURE
KAZAKH SCIENTIFIC RESEARCH INSTITUTE ON PROBLEMS
OF THE CULTURAL HERITAGE OF NOMADS

THE ROLE OF NOMADS
OF THE EURASIAN STEPPES
IN THE DEVELOPMENT
OF WORLD MILITARY ART

SCIENTIFIC READINGS IN COMMEMORATION
OF N. E. MASSANOV

PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL
SCIENTIFIC CONFERENCE

ALMATY
22–23 APRIL 2010

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ
КАЗАХСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПО ПРОБЛЕМАМ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НОМАДОВ

РОЛЬ НОМАДОВ
ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
В РАЗВИТИИ МИРОВОГО
ВОЕННОГО ИСКУССТВА

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ
Н. Э. МАСАНОВА

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

г. АЛМАТЫ,
22–23 АПРЕЛЯ 2010 Г.

УДК 355/359

ББК 68

Р 68

Редакционная коллегия:

И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев, Л. Е. Масанова

Р 68 Роль **номадов евразийских степей в развитии мирового военного искусства.** Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: Сб. мат-лов межд. науч. конф. – Алматы: «Издательство LEM», 2010. – 400 с. + 28 с. вкл.

ISBN 9965-23-301-2

В издании представлены тексты статей зарубежных и казахстанских ученых – участников международной научной конференции «Роль **номадов евразийских степей в развитии мирового военного искусства**» (Научные чтения памяти Н. Э. Масанова), состоявшейся в г. Алматы 22–23 апреля 2010 г.

В сборнике на большом фактическом материале исследованы и освещены разнообразные аспекты **военной истории кочевников евразийских степей**, детально рассмотрен весомый вклад кочевых обществ в развитие технологии вооружения и военного дела соседних государств и народов континента на протяжении большого исторического времени – от эпохи античности вплоть до начала нового времени.

The Role of Nomads of the Eurasian Steppes in the Development of World Military Art. Scientific Readings in Commemoration of N. E. Massanov: Proceedings of the International Scientific Conference – Алматы: «LEM» Publishing House, 2010. – 400 p. + 28 p. incl.

This Volume presents the papers written by the Kazakh and foreign scholars – the participants of the International Scientific Conference «The Role of Nomads of the Eurasian Steppes in the Development of World Military Art» (Scientific Readings in Commemoration of N. E. Massanov) held in Алматы on the 22nd–23rd of April 2010.

In their papers the authors examined various aspects of military history of the Eurasian Steppe nomads, studied by them on the basis of a wide range of factual materials, and highlighted a substantial contribution made by nomadic societies to the development of warfare and arms technologies in the neighboring countries and among the other peoples of the Continent over a span of historic time from the Antiquity Epoch through the Early Modern Times.

УДК 355/359

ББК 68

© Казахский научно-исследовательский институт по проблемам культурного наследия **номадов**, 2010
© ТОО «Издательство LEM», 2010

ISBN 9965-23-301-2

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В исследовании проблемы кочевничества как культурно-исторического феномена большое место занимает изучение различных аспектов **военного искусства** **номадов евразийских степей**, которые по мнению ведущего современного ученого-кочевниковеда А. М. Хазанова, на протяжении приблизительно двух с половиной тысячелетий обладали военным преимуществом над оседлыми странами и народами. Начиная с середины XVIII в. причины такого положения дел интересовали многих профессиональных историков. Однако до недавнего времени ученые в подавляющем большинстве своем мало анализировали социально-экономические, технологические, социальные и институциональные предпосылки многовекового превосходства синхронных кочевых обществ в сфере вооружения, военной организации и тактики ведения боевых действий, ограничиваясь указанием на мобильный образ жизни кочевников и связанные с ним преимущества. В новейший период компетентный ответ на этот вопрос постарались дать крупнейшие специалисты-номадоведы из США, России, Польши, Украины, Кыргызстана и Казахстана на научной конференции, непосредственно посвященной вкладу кочевников Внутренней Евразии в развитие военного дела разных государств и народов континента.

В издаваемый сборник научных статей вошли тексты докладов зарубежных и казахстанских ученых, прозвучавшие на заседаниях международной научной конференции «Роль **номадов евразийских степей в развитии мирового военного искусства**» (Научные чтения памяти Н. Э. Масанова), которая была организована и проведена Казахским научно-исследовательским институтом по проблемам культурного наследия **номадов** Министерства культуры Республики Казахстан 22–23 апреля 2010 г. в Алматы.

Актуальность обозначенной темы обусловлена тем, что кочевые народы Волго-Уральского региона, Казахстана, Сибири, Монголии, Северного Тянь-Шаня и других смежных регионов Евразии оставили глубокий след в истории вооружения и военного искусства многих стран континента, но по разным причинам их достижения в этих сферах материального производства, общественной жизни и культуры до сих пор недооцениваются в исторической литературе. Вклад кочевников в развитие военного дела различных стран и народов Европы, Центральной и Юго-Восточной Азии на протяжении

70-х гг. XX – начала XXI в. неоднократно привлекал к себе внимание казахстанских и зарубежных исследователей, что нашло отражение в некоторых научных и научно-популярных изданиях. Однако до последних лет эта тема за отдельными исключениями не являлась предметом детального освещения и обсуждения как в специальных трудах, так и на международных научных форумах. В широком проблемном и хронологическом диапазоне она впервые рассматривалась на Алматинской научно-практической конференции.

Изучение военного искусства евразийских кочевников актуально не только с научно-познавательной точки зрения. Конференция прошла накануне важных событий в общественно-политической жизни страны – 65-летия Великой Отечественной войны, 280-летия Аныракайской битвы казахского народа с завоевателями-джунгарами и грядущего 20-летия Независимости Республики Казахстан. Поэтому популяризация озвученных в ходе ее проведения научных знаний о причинах военного превосходства кочевых обществ степных регионов Евразии над их оседлыми соседями, а также реконструкция событий героического прошлого казахского народа, безусловно, будет способствовать патриотическому воспитанию молодых граждан страны.

Содержание представленных в сборнике научных статей охватывает разнообразные аспекты военной истории кочевников евразийских степей и освещает на большом фактическом материале весомый вклад кочевых обществ в развитие технологии вооружения и военного дела на протяжении большого исторического времени – от эпохи античности вплоть до конца позднего средневековья. Фундаментальные теоретические положения по основным вопросам рассматриваемой темы изложены ведущим западным ученым-номадоведом А. М. Хазановым. В статьях группы специалистов-археологов из России, Украины и Польши представлены результаты новейших научных изысканий в области военного искусства древних кочевников Северного Причерноморья, оказавшего заметное влияние на развитие военного дела и материальной культуры соседних стран античного мира. Часть научных статей посвящена малоизвестным особенностям предметов вооружения и технологии его изготовления мастерами конкретных кочевых народов в период средневековья и в начале нового времени (монголы, половцы, различные тюркоязычные народы Западной Сибири, ойраты, казахи и кыргызы). Особого внимания заслуживают результаты проведенных в 2007–2010 гг. казахстанскими учеными комплексных междисциплинарных иссле-

дований по исторической топонимике, природным ландшафтам, геоморфологии и археологии бывших районов боевых действий на территории Центрального Казахстана, которые позволили реконструировать на основе полученных данных наступательную стратегию и тактику казахов в военных действиях против джунгар в междуречье Буланты-Белеуитты в 1727 г. Отдельные работы затрагивают малоизученные проблемы военной этнографии казахского кочевого общества на рубеже XVIII–XIX вв., в частности историческую роль и место института батыров в военной организации номадов Центральной Азии и другие вопросы.

Издатели публикуемых материалов выражают глубокую благодарность всем авторам научных статей за участие в работе международной конференции и плодотворное сотрудничество с редакционной коллегией сборника.

Иллюстративные материалы к статьям сборника подготовлены к печати И. М. Самигулиным.

**И. В. Ерофеева,
Б. Ж. Аубекеров**
(Казахстан)

**ЛАНДШАФТНО-ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
ФОРМИРОВАНИЯ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ
И ТАКТИКИ КАЗАХОВ-КОЧЕВНИКОВ В ВОЙНЕ
С ДЖУНГАРАМИ 1723–1730 гг.**

Вооруженные конфликты и многолетние войны Казахского ханства с соседними кочевыми государствами и народами являются неотъемлемой частью его четырехвековой истории. Наиболее долговременными и крупномасштабными из них были войны казахов с джунгарами в конце XVII – середине XVIII в. Военные действия между обоими кочевыми народами происходили большей частью в глубине номадного ареала, на территориях, пространственно удаленных от государственных границ России, империи Цинов и среднеазиатских ханств, и потому не попали в поле зрения любознательных хронистов этих стран. Сами же кочевники не оставили после себя сколько-нибудь солидного документального наследия, хотя историческая память о крупнейших степных баталиях того времени, за которыми последовало окончательное изгнание давнего неприятеля с этнической территории казахов, сохранилась в различных преданиях и легендах казахского народа.

Но все доступные в наше время казахские фольклорные материалы, даже взятые в совокупности, не создают более или менее цельной и жизненно достоверной исторической картины. Они, как правило, имеют сложный многослойный характер, слабо локализованы в пространстве и во времени, что не позволяет историку, опираясь только на эти источники, последовательно воссоздать ход боевых сражений и выявить тактические маневры казахских полководцев. Решить эти задачи можно лишь привлекая наряду со всеми видами исторических источников (документальных, фольклорных, историко-топонимических, археологических) данные ландшафтных и геоморфологических исследований бывших районов боевых действий.

Здесь следует иметь в виду, что в традиционных номадных ареалах природно-географические факторы – особенности рельефа, ландшафта, климата и гидрографической сети – во многом определяют районы дислокации воинских сил противников, выбор нападающей

стороной наиболее удобных для нее календарного времени и места сражения, легко преодолимых путевых маршрутов наступления и оптимальной тактики боя на открытой местности. Комплексное междисциплинарное изучение природных и археологических ландшафтов географических районов сражений народного ополчения казахов с джунгарскими войсками дает возможность найти удовлетворительные ответы на многие из этих вопросов.

Как известно, эпоха наивысшей военно-политической активности Джунгарского государства в направлении Казахстана и ханств Средней Азии охватывает 80-е гг. XVII – первую четверть XVIII в. В этот исторический период казахско-ойратские войны следовали одна за другой. Наиболее тяжелые и продолжительные из них происходили в 1680–1685 гг., 1698–1699 гг., 1708–1710 гг., 1716–1717 гг., и особенно в 1722–1730 гг., когда общая опасность объединяла вокруг главной цели воинские силы всех трех жузов [1].

В результате динамичного массированного наступления джунгар на территорию Казахстана казахи в 1699 г. были вытеснены из Чу-Таласского междуречья в Сырдарьинский район, а к середине 20-х гг. XVIII в. утратили Ташкент, Туркестан и Сайрам; оседло-земледельческие оазисы и плодородные пастбища в бассейне среднего течения Сырдарьи. Под сильным натиском неприятеля им пришлось в спешном порядке откочевать в 1723–1725 гг. вглубь Средней Азии, а также далеко на север и северо-запад Казахской степи, где владения Среднего и Младшего жузов сомкнулись с кочевьями башкир и волжских калмыков, границами русских крепостей и станицами яицких и сибирских казаков [2].

Захват джунгарами территории Южного Казахстана, где располагались зимние кочевья трех жузов, официальная резиденция казахских ханов г. Туркестан, а также важные объекты военно-политической, торгово-экономической (укрепленные города) и духовной (мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави и прочие мусульманские святыни) инфраструктуры Казахского ханства, послужил мощным толчком для роста этнического самосознания казахского народа и интенсивного развития интеграционных тенденций в кочевом обществе казахов. В 1726 или 1727 г. на одном из традиционных курултаев кочевой знати и народных представителей разных племен, состоявшемся предположительно в Приаральских Каракумах, казахские ханы, султаны и батыры приняли общее решение организовать единое ополчение против джунгар и избрали хана Младшего жуза Абул-

хаира (1710–1748) верховным командующим всех воинских сил казахов [3]. В течение последующих четырех лет, с 1727 г. по май-июнь 1730 г., объединенное казахское ополчение под предводительством хана Абулхаира перешло в решительное наступление на противника и навязало джунгарским «караульным» войскам, повсеместно расквартированным на завоеванной территории казахов, целый ряд крупных сражений в разных географических районах Казахстана: в 1727 г. – на границе Улытауского мелкосопочника и пустыни Бетпакадала, в 1729 г. – в предгорьях Кыргызского хребта и южных массивов Чу-Илийских гор, в 1730 г. – на юго-западном побережье Балхаша и в урочище Аныракай [4].

Самыми значительными из них по своим политическим результатам и морально-психологическому воздействию на этническое самосознание казахов были сражения в междуречье Буланты-Белеуитты (1727 г.), расположенном на северо-западной окраине Бетпакадалы, и Аныракайская битва (1730 г.), которые привели к освобождению народным ополчением трех жузов большей части ранее захваченных ойратами казахских территорий. В 2007–2010 гг. эти географические районы впервые стали объектами комплексных ландшафтно-географических, геоморфологических, археологических и историко-этнографических изысканий, проведенных группой сотрудников Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия nomadov (д. г.-м. н. Б. Ж. Аубекеров, к. и. н. И. В. Ерофеева, С. В. Перевозов, Э. Р. Усманова, А. С. Суслов, Е. Ж. Оразбек, Р. Сала, Ж.-М. Деом).

Одним из самых памятных для казахского народа районов, где проходили боевые сражения с джунгарами, является местность *Калмаккырган*, расположенная южнее гор Улытау, к западу от Сарысу между реками Буланты и Белеуитты. Здесь в 1727 г. военное ополчение трех жузов одержало первые решающие победы над сильным врагом, вслед за которыми началось его победоносное шествие к верховьям р. Или – главной ставке Джунгарского государства.

Согласно народному преданию, письменно зафиксированному в начале прошлого века со слов прямых потомков участников военных баталий 1727–1730 гг. видным туркестанским исследователем-этнографом А. А. Диваевым, около 180 лет назад объединенное казахское ополчение начало активные наступательные действия против джунгарских войск и вытеснило их с территории Улытауского мелкосопочника и смежных регионов Сарыарки в междуречье Буланты-

Белеуитты, где завязались наиболее ожесточенные бои между ними. В этих битвах особенно отличились такие талантливые и отважные казахские полководцы, как представитель поколения жетыру Младшего жуза Тайлак-батыр Матиулы и его племянник по линии матери из отделения тасжурек племени ошакты Старшего жуза батыр Санырак Токтыбайулы (ок. 1693–1750), возглавлявшие наиболее многочисленные подразделения воинских сил трех жузов [5].

Самое крупное поражение джунгары потерпели от казахского ополчения на территории Буланты-Белеуитты в урочище *Карасиур*, точнее – *Карасири*, которое позднее получило у казахов название *Калмаккырган* – «Место гибели калмыков». В казахском народном предании, записанном А. А. Диваевым, говорится, что казахи здесь дали «самый блистательный бой» своим врагам, вследствие чего «местность эта и по сие время называется Калмак-Крылган», т. е. «гибель калмыков» [6].

Историческая местность Калмаккырган представляет собой северо-западную периферию огромной по протяженности пустыни Бетпакадала, занимающей территорию от низовьев р. Чу до западного побережья Балхаша. Под этим нарицательным именем она стала известной российским военным топографам и купцам еще в начале 40-х гг. XIX в., когда были составлены первые более или менее подробные географические описания этого края [7]. Пологие отроги гор Кишитау расходятся здесь в разные стороны в виде групп невысоких холмов и конусообразных сопок, которые заканчиваются недалеко от р. Сарысу. Бывший район боевых сражений отделен от мелкосопочника Улытау и Голодной степи широкими долинами пресноводных рек Буланты и Калмаккырган (бывшая Белеуитты), протекающих параллельно друг другу с северо-запада на юго-восток. В широком русле (от 100 до 300–350 м) этих рек образуются глубокие, богатые рыбой, протяженные плесы с густыми зарослями камышей, в которых водятся кабаны. В центральной части междуречья обитает сайга и гнездятся перелетные птицы. Территория Буланты-Белеуитты пересечена сетью небольших степных речек с пресной и соленой водой – Байконыр, Каргалы, Ащымуир, Кызылеспе. Благодаря такому обилию водных источников здесь много прекрасных пастбищ и мест, удобных как для краткосрочных, так и долговременных стоянок кочевников, чем этот сравнительно небольшой район выгодно отличается от соседней безжизненной пустыни Бетпакадала.

На протяжении многих веков междуречье Буланты-Белеуитты было одним из основных мест расселения больших групп тюркоязычных кочевников Центрального Казахстана и играло важную роль в их экономической и социально-культурной жизни. В эпоху Казахского ханства эти плодородные пастбища занимали в основном казахи отделения баганалы племени найман Среднего жуза, имевшие там свои постоянные зимовки и родовые кладбища [8]. На левом, северном, берегу р. Калмаккырган при впадении в нее речки Карагайлы и к востоку от урочища Калмактепе до сих пор сохранились старинные зимовки и могильники ранее проживавших здесь родовых групп казахов-кочевников.

Но в конце первой четверти XVII в. местные роды найманов были вытеснены из междуречья Буланты-Белеуитты на запад и северо-запад региона монгольскими кочевниками-ойратами, создавшими в 1635 г. свое собственное государство. Продвигаясь из Монгольского Алтая и Северного Тянь-Шаня на север и северо-запад Казахской степи, они заняли обширное географическое пространство от истоков Иртыша до Ишима и Тобола, и от Джунгарских ворот до Торгая и Иргиза [9]. Северным рубежом ойратских владений стали к тому времени южные предгорья мелкосопочника Улытау и р. Сарысу, разделяющая пустыню Бетпакадала на северо-западную и юго-восточную части. В «Книге Большому Чертежу», составленной в Русском государстве в конце 20-х гг. XVII в., отмечалось, что за 40 верст от гор Улытау «течет река Сарсу; а в реку Сарсу пала река Кендерлик (т. е. Каракенгир. – И. Е.), а промеж реки Кендерлика и реки Сарсу Казацкая кочевая орда да калмыки» [10]. С того времени на протяжении более 130 лет р. Сарысу служила естественной границей расселения казахских и ойратских племен. «Сия река, – писал в 1744 г. известный оренбургский историк П. И. Рычков, – между прочими степными реками потому особливо примечания достойна, что она Киргиз-кайсацкую степь от Зюнгарского владения разделяет и почитается за границу обоих народов» [11].

По обе стороны от р. Сарысу в ее среднем и нижнем течении в середине XVII – первой половине XVIII в. размещалась целая сеть джунгарских караульных постов, о чем убедительно свидетельствует сохранившиеся до сих пор исторические топонимы *Калмактепе*, *Калмаккорган*, *Калмактау*, *Калмакжаткан*, *Караултобе*, *Караулиокы* и другие сходные с ними по значению собственные имена небольших гор и холмов, расположенных на этой территории. На каждом стороже-

вом посту караульную службу ежегодно несли различные по численности отряды ойратов. По этому поводу компетентный современник казахско-джунгарских войн 1720–1740-х гг. П. И. Рычков писал о системе охраны ойратами своих родовых кочевий: «На границах их для всякой осторожности содержатся у них немалолюдные караулы» [12].

Воинские контингенты ойратов подразделялись на *главные*, или *большие*, *караулы* и *малые отъезжие караулы*. Главные караулы постоянно размещались в одних и тех же местах и, как правило, насчитывали от 500 до 5000 воинов. В отличие от них малые отряды джунгарской пограничной стражи являлись временными постами и состояли из 100–300 человек. Они обычно выставлялись вперед на несколько десятков километров от стационарных больших караулов в момент повышенной опасности для кочевых ставок ойратской знати и высылали в разных направлениях для осмотра окружающей территории небольшие группы так называемых «подзорщиков» [13].

В первой половине XVIII в. караульные отряды ойратов располагались в разных местах северо-западной и северной приграничных зон Джунгарского государства, но конкретные сведения об их локализации на территории Казахстана отсутствуют в письменных материалах того периода. В таком случае едва ли не единственным источником информации по местонахождению бывших джунгарских укреплений являются казахские исторические топонимы *Калмаккорган* (не путать с *Калмаккырганом!*), *Калмактобе*, *Караултобе*, *Караултау*, *Караултал*, *Караулиеттау* и другие аналогичные им собственные имена различных форм рельефа и недвижимых культурных памятников, которые функционировали в относительно недавнем прошлом как объекты контрольно-наблюдательного назначения в стратегически важных географических районах. В подавляющем большинстве своем они стали известны российским исследователям и ученым только во второй половине XIX – начале XX в. после проведения военными топографами империи детальной геодезической съемки на большей части территории степных областей и Туркестанского края. Тогда же эти топонимы были более или менее точно локализованы во всемирной градусной сети на «Специальной карте Омского военного округа» (80–90-е гг. XIX в., 57 л.), «Специальной десятиверстной карте Западной Сибири» (нач. XX в., 81 л.) и двух «Десятиверстных картах Туркестанского военного округа» (1893–1912 гг., 7 л.; 1924–1936 гг., 81 л.). Многие из них сохранились в топонимике Казахстана до настоящего времени, что нашло отражение

в содержании многотомного справочно-информационного издания последних лет – «Каталог географических названий Республики Казахстан» (Алматы, 2004–2008).

Наибольшее количество отмеченных на топографических картах конца XIX – начала XX в. «караульных» гор, старинных развалин и холмов находятся в непосредственной близости от степных рек Сарысу, Шидерты, Калмаккырган, Шигилек, Базар, Шар, Аягоз, Баканас, Чу и Талас, которые в свое время разделяли кочевья казахов и ойратов. К этим бывшим зонам интенсивных межкультурных контактов обоих народов относятся природные и историко-культурные ландшафты современных Улытауского (4 топ.), Жанааркинского (4 топ.), Шетского (4 топ.) и Актогайского (3 топ.) районов Карагандинской области; Байдыбекского (4 топ.) и Сузакского (2 топ.) районов Южно-Казахстанской области; Шуского (4 топ.), Мойынкумского (2 топ.) и Кордайского (1 топ.) районов Жамбылской области; Балхашского (1 топ.) и Жамбылского (2 топ.) районов Алматинской области [14]. Именно по этим территориям в XVII – середине XVIII в. пролегли основные транзитные кочевые и караванные маршруты из Волго-Уральского междуречья и Сибири через р. Сарысу, пустыню Бетпадала и Верхнее Прииртышье в разные районы Семиречья, Присырдарьинский регион и Восточный Туркестан, что нашло отражение во многих письменных и картографических источниках того периода.

Кроме того, для географического положения определенной части ландшафтных объектов, имеющих в своем составном названии корневую морфему «караул», характерна незначительная удаленность в пространстве (на 15–30 км) от памятных мест боевых сражений народного ополчения казахов с джунгарами (названия – *Калмаккырган*, *Шуришиткырган*, *Сумкайты*) [15], что свидетельствует о наличии определенной семантической связи между этими двумя группами исторических топонимов.

Главные джунгарские караулы размещались большей частью в укреплениях, возведенных из камня, саманного или обожженного кирпича с применением глиняного раствора [16]. Сами ойраты называли эти караульные форпосты *шибэ*, а казахи Среднего и Старшего жузов – *камалами* [17]. Для размещения караульных войск джунгары часто использовали хорошо сохранившиеся строения прошлых эпох, но при необходимости возводили в стратегически важных местах новые камалы. Характерно, что военно-оборонительные объекты ойра-

тами создавались не только на внешних рубежах своего государства, но и в глубине его территории, в местах кочевания тех родоплеменных групп, к которым они принадлежали [18].

Неоднократные упоминания о джунгарских крепостях встречаются во многих исторических преданиях казахов, посвященных ратным подвигам батыров Кабанбая (1691/1703–1780/1781), Жанибека (ум. в 1751), Есмамбета и будущего хана Среднего и части Старшего жузов Абылая (1711–1780). Большинство из них были записаны в начале XX в. видным собирателем казахского фольклора Курбангали Халидом в центральном и восточном регионах Казахстана. По воспроизведенным им рассказам разных выходцев из местных найманов, воинские отряды Среднего жуза вступали в рукопашные схватки с противником главным образом вблизи джунгарских укреплений, причем немало неприятельских камалов казахи «превращали в пыль» в ходе этих нападений [19]. Не случайно более 150 лет спустя после казахско-ойратских войн при проведении краеведами Акмолинской области Степного края полевых обследований джунгарских могильников, расположенных по обе стороны р. Сарысу и ее притоков, им нередко попадались «металлические шлемы, кольчуги, железные наконечники копий» и некоторые другие предметы воинского снаряжения поверженных казахами в этих местах ойратов [20].

Между джунгарскими передовыми и внутренними «караулами» регулярно поддерживалась тесная взаимосвязь посредством мобильных разведывательных групп, или так называемых «подзорщиков», и «малых разъездных караулов», в результате чего военачальникам ойратов удавалось обеспечивать в течение целого столетия эффективную защиту внешней безопасности своего государства. Разрушить эту военно-оборонительную систему можно было лишь уничтожив сторожевые форпосты джунгар на южной периферии гор Улытау и в бассейне р. Сарысу; в противном случае наступление казахского ополчения могло оказаться уязвимым с тылу и флангов для дислоцированных в этих районах воинских контингентов неприятеля.

В первой половине XVIII в. северные рубежи ойратских кочевий прикрывали от массового проникновения военных отрядов казахов во внутренние регионы Джунгарского ханства четыре крупных караульных поста джунгар, расположенных на территории Бетпадалы. Один из них находился в 50–60 км к северо-западу от долины р. Сарысу, на северном берегу р. Калмаккырган – бывшей Белеуитты. Три других караула были расположены на противоположной, восточной,

стороне этой «пограничной» реки в местностях *Калмаккырган*, *Калмак* и *Калмактау*, где до сих пор сохранились родовые могильники джунгар [21].

Самым передовым из всех этих караулов был стационарный пункт, размещавшийся возле невысокой горы в месте слияния реки Карагайлы (Дусен) с р. Калмаккырган (Белеуитты), которое позднее получило название по имени расположенного здесь могильника *Калмак-Чингара* [22], а с конца прошлого века было переименовано в *Калмактепе*. С вершины сопки Калмактепе, обустроенной джунгарами как наблюдательный пункт, на большое расстояние обозревается местность к западу, северо-западу и югу от караула. Расположение его давало джунгарским военачальникам возможность эффективно контролировать ближайшие подступы к долине Белеуитты и предупреждать попытки неприятеля застигнуть врасплох пограничные отряды ойратов. Сам караульный пост джунгар, очевидно, находился на трехъярусной вершине сопки под пирамидальным навесом, образовавшимся из двух больших каменных плит. С ним и сопкой Калмактепе связаны различные исторические предания и легенды о борьбе казахских батыров с джунгарами, которые сохранились среди местного населения до нашего времени.

В геоморфологическом строении района Калмактепе выделяются следующие типы рельефа: эрозионно-тектонический грядово-увалистый мелкосопочник и эрозионный приречный мелкосопочник; русло, пойма и первая надпойменная терраса долины р. Калмаккырган [23].

Эрозионно-тектонический грядово-увалистый мелкосопочник с абсолютными отметками высот до 35 м распространен на большей территории района и занимает практически всю северную его часть, окаймляя самый широкий участок долины реки. Он представлен сопкой Калмактепе и расположенными к северу от нее несколькими более низкими сопками.

Сопка Калмактепе имеет ассиметричные склоны: южный склон ее является довольно крутым, а северный и восточный склоны – более пологими с углами 20–25 градусов. На разных высотах двух последних склонов сохранился большой могильник позднего средневековья – начала нового времени в виде небольших насыпей из рыжевато-бурых камней примерно одинакового размера. Все надгробные насыпи имеют стандартный характер как по овальной округлости форм, так и присутствию в них с западной стороны черных крупных кам-

ней высотой 30–50 см и шириной 20–25 см, вертикально вкопанных в землю. На поверхности отдельных захоронений вместо черных опознавательных знаков возвышаются камни иного цвета. Кроме того, несколько могил находятся у подножия южного склона горы на равнине. Возле трех из них еще в 2007 г. лежали светло-серые каменные бруски длиной от 50 до 72 см, на одном из них была выгравирована лаконичная надпись, составленная ойратским письмом.

По периферии мелкосопочника развит шлейф конусов выноса, перекрывающий довольно обширную по площади расширенную часть долины реки. С запада долина Калмаккыргана эродировала полого наклоненную на северо-запад денудационную равнину, сформировав при этом интенсивно расчлененный эрозионно-денудационный мелкосопочник с превышениями до 15–20 м. Склоны его отличаются большой крутизной, составляющей 20–24 градуса; местами они являются отвесными. Для этого мелкосопочника характерны расчленяющие его короткие крутые узкие саи.

С южного берега Калмаккыргана эрозионный приречный мелкосопочник сформирован короткими саями, непосредственно впадающими в реку. Его верхний уровень представляет собой вторую эрозионную надпойменную террасу. Превышение этого мелкосопочника над поймой реки составляет около 12–15 м; склоны его пологие, выпуклые; местами, на выходах коренных пород – обрывистые. Южнее он переходит в слабоволнистую денудационную равнину.

В самой долине р. Калмаккырган выделяется русло с сохранившимися плесами, неширокая пойма и первая надпойменная терраса высотой до 5 м, сложенная супесчано-глинистым материалом. Ширина террасы в месте расположения сопки Калмактепе является довольно большой и достигает около 200 м. Русло реки здесь образует большие глубокие плесы, густо заросшие камышом и богатой рыбой. В камышовых зарослях водятся кабаны и гнездятся дикие утки. Эти же плесы служат водопоями для местных хищников (волков, лисиц, барсуков) и парнокопытных (сайги, архаров и др.) (рис. 1, 2, 6, 8).

Долина р. Калмаккырган (Белеуитты) является одним из немногих мест на северо-западной окраине Бетпакдалы, где возможно постоянное стационарное проживание, так как только там имеются пресная и слабосоленая вода, предметы охоты и благодатные пастбищные угодья для круглогодичного выпаса животных. В первой половине XVIII в. это была внутренняя часть обширной трансграничной зоны Джунгарского ханства, удаленная на несколько десятков километров

к югу от районов интенсивных межэтнических контактов двух соседних кочевых народов. В пользу этого красноречиво говорят тщательное обустройство могильника той эпохи и упорядоченный характер его могил, что можно было сделать только в относительно стабильной общественно-политической обстановке.

Район исторического сражения – урочище *Карасире* – расположено в 40–50 км к северо-западу от местности Калмактепе. В его пространстве сочетаются плоские глинистые равнины и мелкосопочный рельеф. Самая высокая часть урочища – это мелкосопочник Сатантау, южнее его расположены горы Уштобе, которые представляют собой группу увалистых и куполовидных сопки общей площадью 3–4 км²; к юго-западу от этих гор находятся сопка Карасире с триангуляционным знаком. Она занимает господствующее положение на местности: к востоку и северо-востоку от нее хорошо просматриваются на расстоянии около 20 км мелкосопочники Уштобе и Сатантау, а к западу и юго-западу – плоская глинистая поверхность пустыни Бетпакадала.

Вблизи сопки Карасире находятся развалины казахских зимовок советского времени. В 500–700 м к северо-западу от ее подножия расположен старинный колодец со слабосоленой водой, служивший раньше основным местом водопоя для домашних животных. В настоящее время он не функционирует. Действующих родников и колодцев в окрестностях сопки сейчас нет, вследствие чего этот район с некоторого времени является фактически безводным. В нескольких километрах к югу и юго-востоку от сопки Карасире протекает одноименная слабосоленая речка Карасире, имеющая сезонный водоток, довольно обильный в весенне-осенний период. В эти сезоны года русло ее образует в пойме широкие заболоченные участки.

В геоморфологическом строении урочища Карасире прослеживаются три типа рельефа: эрозионно-тектонический и эрозионный мелкосопочники и денудационная равнина [24].

Первый тип рельефа образует высокий эрозионно-тектонический грядово-увалистый мелкосопочник с относительными превышениями до 35 м, крутыми выпуклыми склонами до 16–22 градусов. Он представлен самой высокой в этом районе точкой – сопкой Карасире и отдельными сопками высотой не более 20 м, расположенными к югу от нее и основного массива мелкосопочника до места слияния речки Карасире с ее притоком. Грядово-увалистый мелкосопочник окружает более низкий эрозионный мелкосопочник с относительными превышениями не более 12 м, с пологими склонами и многочис-

ленными короткими сухими саями. Он плавно переходит по периферии в слабоволнистую денудационную равнину, где абсолютные отметки высот не превышают пяти метров (рис. 3–5).

В целом, особенности ландшафта и гидрографической сети урочища Карасире однозначно указывают на то, что в историческом прошлом его пространство было неблагоприятным для более или менее длительного стационарного проживания кочевнических сообществ. Это обусловлено сезонным режимом водотока пересекающих его рек и отсутствием здесь пресноводных источников. Единственный на территории урочища колодец с питьевой водой и речка Карасире являются традиционными местами водопоев для лошадей и овец, но они мало пригодны для человека, так как регулярное употребление слабосоленой воды в течение более двух-трех недель вызывает в организме людей нарушение некоторых жизненно важных функций. Сам факт присутствия старинного колодца на северо-западной окраине Карасире дает основание заключить, что в позднесредневековый период это урочище имело значение транзитного перевалочного пункта в круглогодичном цикле кочевания казахов. Последние использовали его как место отдыха, т. е. кратковременную стоянку на пути протяженного многодневного перехода с жайлау на кыстау от горного массива Улытау на юго-восток, к плодородным зимним пастбищам в нижнем течении Белеуитты, где расположены местность Калмактепе и некоторые другие благоприятные для жизни природные ландшафты.

Как уже указывалось выше, территория вокруг сопки Карасире и прилегающего к ней грядово-увалистого мелкосопочника сильно расчленена, пересечена множеством различных по глубине коротких сухих саев, в результате чего она является неудобной не только для стационарного проживания, но и для ведения боевых действий, особенно для передвижения конницы. Исходя из этого, можно предположить, что джунгары, вытесненные ранней весной 1727 г. отрядами объединенного казахского ополчения из мелкосопочника Улытау в междуречье Буланты-Белеуитты, своевременно не смогли оторваться от преследовавшего их по пятам неприятеля на большое расстояние и, добравшись до урочища Карасире, вынуждены были незамедлительно вступить в решающее сражение с ним в крайне неблагоприятных для обороны ландшафтно-геоморфологических условиях – на территории почти безводной, бескормной и сильно пересеченной местности.

Отсюда возникает закономерный вопрос, почему джунгарские войска отступали из Сарыарки в направлении Семиречья именно по той дороге, которая проходила через урочище Карасире, хотя существовали и другие кочевые пути из района Улытау во внутренние регионы Джунгарского ханства? В частности, почему они не воспользовались более короткой и хорошо знакомой им *Большой Калмыцкой дорогой*, пролежавшей через Сарысу и ее левый приток Каракенгир, восточнее междуречья Буланты-Белеуитты [25]?

Этот выбор, как нам представляется, во многом определялся военной стратегией казахских полководцев, организовавших массированное наступление на джунгарские караульные посты в горах Улытау и смежных регионах Центрального Казахстана. Благодаря большому личному опыту ведения кочевого хозяйства и распоряжения пастбищными угодьями казахских родов и племен верховный командующий воинскими силами казахов хан Абулхаир и его ближайшие сподвижники (хан Семеке, султаны Абулмамбет и Барак) хорошо знали особенности рельефа, характер почв и сезонный режим рек Бетпакдалы, а потому имели возможность контролировать маршруты передвижения противника и направлять его войска в нужное место [26].

Организаторам наступления, безусловно, было известно, что от гор Улытау в направлении на юг и юго-восток протекает несколько крупных рек – Тамды, Жезды, Жыланды, Каракенгир, Кумола, Сарысу. К особенностям морфологии этих водных артерий относятся вертикальные каньонобразные участки и глубоко врезанные в надпойменные террасы меандры на протяжении большей части речных долин, вследствие чего здесь имеется очень мало удобных для перехода мест, по которым могли переправляться на противоположный берег группы конных всадников и громоздкие обозы. Такой малопроезжимой долиной, особенно в осенне-весеннее время, является р. Каракенгир с ее классическими глубоко врезанными меандрами (глубиной от 20 до 50 м) и топкими глинистыми поймами. Она протекает в меридиональном направлении от Улытауских гор до слияния с р. Сарысу и характеризуется наличием минимального количества переправ на всей ее большой протяженности.

Другая река – Тамды также в отдельные сезоны года (весной и в начале лета) труднопроходима, так как ее долина отличается большой глубиной, заболоченностью поймы и отсутствием пологих переправ. Кроме наиболее протяженных и глубоких долин в регионе имеется

Рис. 1. Панорама местности Калмактепе. Вид с юго-запада. Аэрофото Р. Сала. 2010 г.

Рис. 2. Панорама центральной части местности Калмактепе. Вид с востока. Аэрофото Р. Сала. 2010 г.

Рис. 3. Панорама местности Карасире. Вид с юго-запада. Аэрофото Р. Сала. 2010 г.

Рис. 4. Панорама местности Карасире. Вид с юго-востока. Аэрофото Р. Сала. 2010 г.

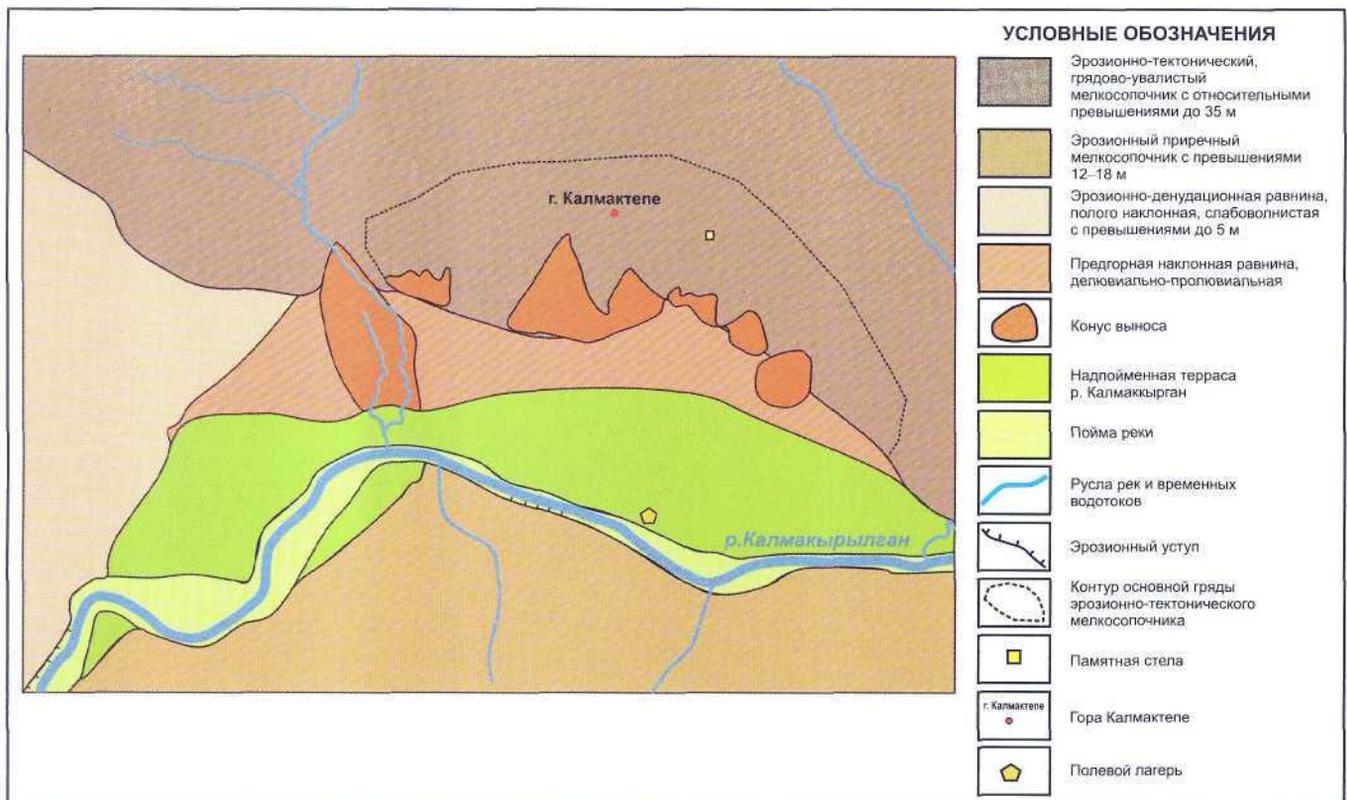

Рис. 5. Геоморфологическая карта района горы Карасире. Масштаб 1:100 000. Сост. С. В. Перезовов. 2010 г.

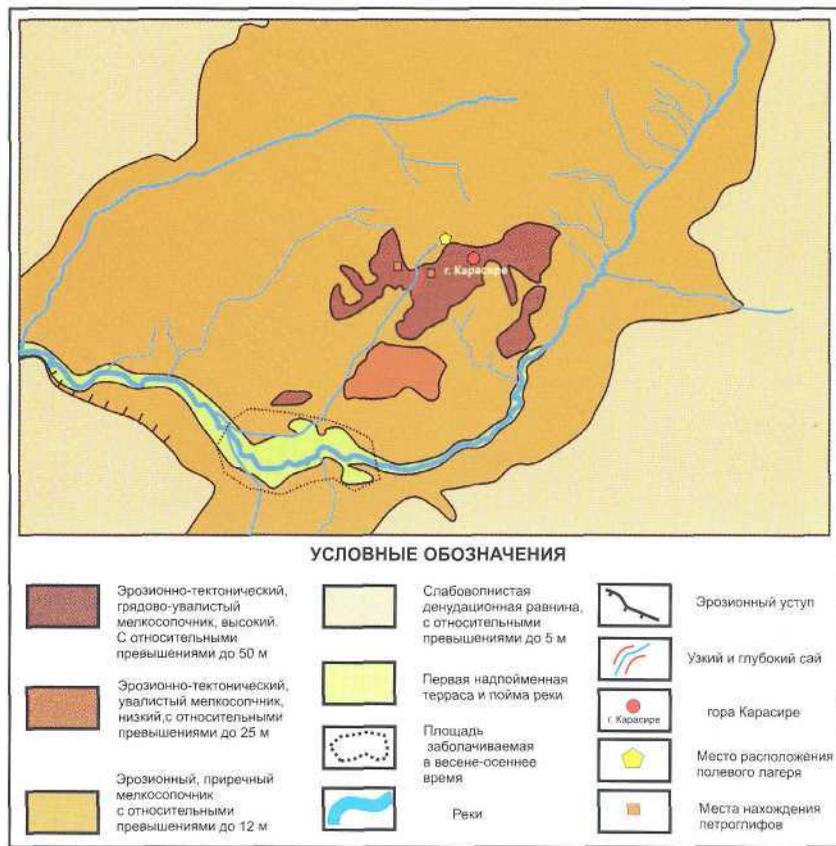

Рис. 6. Обзорная геоморфологическая карта района Калмактене.
Масштаб 1:50 000. Сост. С. В. Перезовов. 2010 г.

Рис. 7. Междуречье Буланты-Белеуитты. Космоснимок

Рис. 8. Река Калмаккырган в районе сопки Калмактепе.
Фото Э. Р. Усмановой. 2010 г.

Рис. 9. Поминальный ас в честь героев
освободительной войны с джунгарами 1723–1730 гг. в местности Калмактепе.
Фото Б. Ж. Аубекерова. 2007 г.

много мелких речек с сезонным водотоком, ежегодно возобновляющимся осенью и весной. Все они, взаимно сливаясь в позднеосенний и ранневесенний сезоны, создают единое труднопреодолимое пространство для конных всадников и обозов, в результате чего все посылские миссии и торговые караваны в XVIII–XIX вв. предпочитали совершать протяженные переходы через Бетпакадалу только в летнее время года. По этому поводу в составленном в 1841 г. офицерами Отдельного Сибирского корпуса «Описании Юго-Западной части Голодной степи» говорится: «Все вышеупомянутые речки во время лета удобопроходимы всеми родами войск, но весной даже самые маленькие речки сделают остановку...» [27]

Другим важным обстоятельством, затрудняющим передвижение людей поздней осенью и весной по территории Бетпакадалы и смежных с ней на северо-западе регионов, является состав пород на тех участках, по которым проходили Большая Калмыцкая дорога и другие транзитные пути из Джунгарии в район Улытау и Волго-Уральское междуречье. Если коренные скальные породы, характерные для рельефа мелкосопочника, дают возможность перемещаться войскам, то глинистые породы палеогена, неогена и кор выветривания, намокая во влагообеспеченное время года, превращают почву в топкую вязущую массу и становятся практически непроходимыми. Таким же препятствием в Бетпакадале являются осенью и весной солончаки и соры.

Возможность более или менее быстрого передвижения по Сарыарке и Голодной степи осложнялась также пересеченным рельефом на большей части их территории, где относительные превышения в мелкосопочных массивах составляют от 50 до 150 м над уровнем моря. Эти превышения в районах с пересеченным рельефом, как правило, сочетаются с множеством коротких глубоких саев и не позволяют успешно преодолевать их тяжеловооруженным всадникам и обозам.

Еще одним серьезным препятствием для путников на обширных пространствах Бетпакадалы является отсутствие пресноводных источников, необходимых для людей и животных. Поэтому номады, отправляясь ранней весной для решения неотложных вопросов в долгий путь по бескрайней пустыне, как правило, старались придерживаться тех урочищ, где функционировали рукотворные колодцы со слабосоленой водой, либо имелись такие же малосоленые естественные водоемы с сезонным водотоком.

Совокупность всех вышеперечисленных естественных препятствий и лимитирующих факторов существенно ограничивали для ойратов выбор путей отступления вглубь страны, что вполне соответствовало стратегическому замыслу казахских полководцев. Весенняя распутица, значительное усиление стока по долинам рек, заполнение водой пониженных участков пустыни с солончаками и сорами, которые становились весной непроходимыми – все это в конечном итоге предопределило маршрут движения ойратов по направлению к р. Белеуитты, где в то время размещался один из самых крупных в Бетпакдале внутренних джунгарских караулов. В весеннее время наиболее коротким и удобным путем от гор Улытау до междуречья Буланты-Белеуитты была дорога, которая проходила вдоль западного подножия мелкосопочника, имеющего меридиональную ориентировку. Она выводила джунгарские войска прямо на урочище Карасире, откуда благополучно можно было добраться в течение одного-двух дней до караульной сопки Калмактепе, расположенной на северном берегу р. Белеуитты. Преимущество этой дороги перед труднопреодолимыми восточными маршрутами через Бетпакдалу заключалось также в наличии вблизи сопки Карасире колодца со слабосоленой водой, к которому, вероятно, и направлялись отступавшие отряды ойратов (рис. 7).

Выбор военачальниками джунгар западного пути отступления на юг во внутренние регионы своего государства всецело совпадал со стратегическим расчетом казахских полководцев на содействие организованной ими военной кампании такого важного природного фактора, как весенний паводок в мелкосопочных массивах и тесно связанная с ним распутица, превращающая в непроходимые топи многочисленные солончаки и глинистые участки на обширном пространстве к западу и востоку от каньонообразных долин Каракенгира и Сарысу. Именно в этот календарный период преследуемые народным ополчением казахов джунгарские войска оказывались полностью изолированными от своих караульных постов, расположенных юго-западнее Казахского мелкосопочника и на территории Чу-Илийских гор (горы Хантау и Аныракай), откуда можно было ожидать прихода новых подкреплений [28].

Основываясь на этих расчетах, хан Абулхаир оставил одну группировку казахов в тылу у противника, а основную часть коалиционных воинских сил трех жузов сконцентрировал на левом фланге вероятного пути отступления джунгарских войск, к востоку от

Приаральских Каракумов, где тогда располагались зимние ставки правителей Младшего и Среднего жузов [29]. На эти группировки возлагалась роль главной ударной силы казахского ополчения: они должны были жестко преследовать военно-техническими средствами бежавших джунгар со стороны песков Каракум в направлении урочища Карасире и, предпринимая частые стремительные атаки против джунгарской конницы, физически измотать ее, чтобы затем обходным маневром заставить обессиленного противника сконцентрироваться вокруг сопки Карасире и принять решающий бой в мало пригодной для обороны местности.

В связи с таким сценарием развития военных событий Абулхаир, по-видимому, заблаговременно отправил из Приаральских Каракумов один крупный отряд казахов непосредственно в урочище Карасире, так как здесь с вершины одноименной сопки открывается на расстояние около 20 км широкий обзор окружающей местности, а пересеченный рельеф с глубокими короткими узкими саями благоприятен для устройства засад и скрытых маневров мобильных групп пеших стрелков-лучников.

Изучение особенностей рельефа, состава пород и пространственной локализации гидросети на пути следования джунгарских войск с территории Улытау в междуречье Буланты-Белеуитты дает основание утверждать, что это был очень сложный и тяжелый маршрут по безводным сильно пересеченным местам, с большими вязкими глинистыми участками и топкими речными поймами, затруднявшими в весеннее время передвижение людей и животных. Трудность его преодоления значительно усугублялась для отступавших джунгарских войск тщательным спланированным преследованием их конными группировками объединенного казахского ополчения, которые жестко контролировали все основные маршруты передвижения противника по территории Бетпакдалы, не позволяя ему отступать западнее меридионально ориентированного Улытауского мелкосопочника и междуречья Буланты-Белеуитты по направлению к низовьям Сырдарьи, где открывалась самая удобная в тот период года транзитная дорога во внутренние регионы Джунгарии.

Выявленные нами локальные ландшафтно-геоморфологические характеристики пройденного ойратами длинного полутысячеверстного пути и самого исторического места сражения бывших караульных отрядов завоевателей с воинской коалицией трех жузов однозначно свидетельствуют о том, что казахские полководцы успешно

использовали в ходе предпринятых ими наступательных действий вполне типичную для центральноазиатских номадов разных эпох *тактику облавной охоты* против джунгар. Суть последней, как показывают новейшие исследования по истории военного искусства кочевых народов этого региона [30], заключалась в широкомасштабном охвате освобождаемой территории воинскими силами наступавшей стороны и единовременном вовлечении в процесс преследования врага большой массы вооруженных всадников, согласованно движущихся с разных сторон по направлению к одной и той же местности. Главной целью такого синхронизированного встречного движения по обширной площади было окружение, а затем «загон» воинских отрядов противника в естественную ловушку, представлявшую собой в момент боевых действий рукотворно обустроенную западню, и массовое «избиение» зажатых здесь в плотное кольцо людей всеми воинскими подразделениями народного ополчения. Во время организации преследования непременно соблюдались такие основополагающие принципы облавной охоты на диких животных, как деление нападающих воинов, как минимум, на три крупные группировки; территориальное распределение их по центру и крыльям, строгое соблюдение субординации между военачальниками разных статусных рангов (хан – султаны – батыры) и исполнительской дисциплины среди рядовых воинов, четкая координация действий центра и крыльев.

В связи с тем, что отряды казахского ополчения наступали на джунгарские караулы, дислоцированные в разных географических районах Сарыарки, главным образом с территории Приаральских Каракумов, левое крыло казахов огибало гонимые войска джунгар в направлении с запада на северо-восток из района Северного Приаралья до южного подножия Улытауских гор; центр находился восточнее песков Каракум, между долинами Буланты и Белеуитты в нижнем течении обеих рек; а правое крыло – к юго-востоку от пересыхающего в летнее время устья реки Белеуитты, простираясь далее с юга на северо-восток междуречья до урочища Карасире и смежных с ним географических районов. На востоке кольцо окружения замыкали вышеуказанные естественные преграды, которые фактически закрывали джунгарам все пути отступления в район Чу-Илийских гор и тем самым лишали их последней возможности избежать крупномасштабного вооруженного столкновения с казахским ополчением.

По установившейся традиции вся наступательная операция осуществлялась тремя группировками казахских воинов в течение

одного-двух месяцев. Основное содержание ее сводилось к тому, чтобы не выпустить бежавших джунгар из окружения и, приближаясь в ходе преследования вражеских отрядов из разных точек степи по направлению друг к другу с определенной скоростью, в конечном итоге сомкнуть центр и крылья вокруг загнанного в засаду противника. По всей вероятности в такой крупномасштабной «облаве» участвовали как боевые отряды тяжеловооруженной и легкой конницы, так и относительно малочисленные воинские объединения пеших стрелков-лучников. Две первые группы (левое крыло и центр) выгоняли джунгар из мелкосопочника Улытау и направляли их к местности Карасире в засаду, а третья комбинированная группировка (правое крыло), включавшая в себя отряды конных и пеших воинов, встречала загнанного врага непосредственно на территории этого урочища, где поражала его с насиженных удобных позиций.

Сама историческая битва между воинскими силами двух кочевых народов продолжалась не более трех-пяти дней, так как чрезмерная скудость водных и кормовых ресурсов урочища Карасире жестко лимитировала оптимальные сроки пребывания на его территории больших масс людей и домашних животных. Вытесненные народным ополчением казахов из Улытауских гор, обессиленные нехваткой питьевой воды, перманентными точечными атаками казахской конницы и долгим изматывающим переходом «по долинам и по взгорьям» Голодной степи, ойраты были вынуждены принять сражение в безводной и сильно пересеченной местности, в совершенно невыгодных для них условиях, что в результате и предопределило их поражение.

Одержав в местности Карасире – будущей Калмаккырган, крупную победу над джунгарскими войсками, боевые дружины казахских сарбазов погнали мелкие группы рассеявшегося неприятеля в направлении на юго-восток к сопке Калмактепе, где находился в то время ближайший к недавнему месту сражения военно-оборонительный пост джунгарской стражи. Здесь произошло еще одно вооруженное столкновение народного ополчения казахов с джунгарскими войсками. Историческая память о нем емко запечатлелась в двух сходных по сюжетной фабуле народных преданиях казахов, которые до сих пор бытуют среди старожилов Улытауского района Карагандинской области. Оба эти предания примечательны тем, что в них нашли отражение некоторые типичные для того времени тактические приемы борьбы казахов-кочевников с численно превосходившим противни-

ком, представляющие собой один из оптимальных способов рационального использования ими локальных особенностей рельефа сильно пересеченной местности.

Так, согласно преданию, записанному нами 31 августа 2007 г. в полевой экспедиции со слов потомственного уроженца этих мест, жителя аула Карсакпай 70-летнего Айтбая Калмурзаева, казахи применили при взятии Калмактепе следующую военную тактику.

Когда изрядно поредевшие ряды казахского ополчения достигли расстояния 2–3 км от подножия западного склона сопки Калмактепе, возглавлявшие его полководцы решили прибегнуть к воинской хитрости для успешного завершения начатого дела. Замысел их состоял в том, чтобы создать обманчивое впечатление у джунгар, сидевших в караулах на вершине сопки и за рекой, что в казахских отрядах будто бы по-прежнему много бойцов, и тем самым побудить джунгарских военачальников совершить тактическую ошибку. С этой целью командиры казахского ополчения выслали навстречу джунгарам 40–50 вооруженных всадников на белых лошадях, которые галопом проскакали на обозримом расстоянии перед сопкой, а затем, спешно возвратившись по дну сухих саев в свой отправной пункт, пересели на черных лошадей и произвели такой же объездной маневр вокруг горы, оставаясь в поле зрения постовых наблюдателей противника. Благодаря этой уловке авангардному отряду казахов удалось выманить из укрытий и оттянуть на себя часть неприятельских войск, тогда как их основные силы подошли к противнику с тыла и отрезали его от р. Белеуитты. Джунгары в этом месте вновь потерпели поражение и вынуждены были бежать по одной из боковых трасс Большой Калмыцкой дороги в район Чу-Илийских гор.

Другой вариант вышеизложенного предания записан 2 июля 2010 г. в г. Жезказган Е. Ж. Оразбеком в ходе интервью с еще одним потомственным уроженцем Улытауского района – 35-летним Багдатом Байжантасвым. По исторической версии этого информатора, одна и та же группа казахских джигитов проносилась вокруг сопки Калмактепе верхом то сплошь на конях чубарой масти (шұбарат), то – на темно-серой (қоңырат), то – на темно-мухортой (қарагерат), то – на белой масти (бозат), осыпая джунгар стрелами из лука. Джунгарские воины решили, что казахи многократно превосходят их численностью и, не приняв сражения, отступили [31].

Народное предание утверждает, что весть о первых крупных победах казахов над джунгарскими войсками, одержанных в междуре-

чье Буланты-Белеуитты, моментально распространилась по всей казахской степи, подняла боевой дух казахского народа и значительно укрепила общее намерение победить и изгнать неприятеля со своей родины [32]. С этой исторической местности началось наступление объединенного казахского ополчения в направлении главной ставки Джунгарского ханства – родовых кочевий верховного правителя ойратов Галдан-Цэрена (1727–1745), расположенных в бассейне среднего и верхнего течения Или.

Междуречье Буланты-Белеуитты со времени рассматриваемых событий прочно вошло в народную память казахов как историческое место массовой гибели бывших завоевателей – джунгар, или калмаков. Под этим метафорическим именем оно известно сегодня не только в Сарыарке, но и во всем Казахстане. Несмотря на трудность путешествия по малоезженным степным дорогам этого края, стремление посетить место славной победы до сих пор не увядает в народе. И в наши дни потомки как прославленных, так и малоизвестных батыров, сговорившись друг с другом по телефону, часто приезжают из разных аулов и городов центральных областей страны в Калмактепе, чтобы по обычаю принести в жертву коня и почтить щедрым асом светлую память своих героических предков (рис. 8, 9).

---

1. Мусеев В. А. Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв. Алма-Ата, 1991. С. 50–51.

2. Там же. С. 71–79.

3. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996. С. 168.

4. Тынышпаев М. История казахского народа. Алма-Ата, 1993. С. 192–196; Козыбаев М. К., Галиев В. З. Отечественная война казахского народа против джунгарской агрессии в 20-х годах XVIII века // История Казахстана с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Т. 3. Алматы, 2000. С. 39–143; Ерофеева И. В., Аубекеров Б. Ж., Рогожинский А. Е. и др. Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения. Алматы, 2008. С. 54–86.

5. Диваев А. А. Мавзолей Кок-кесене // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год десятый (1904–1905). Ташкент, 1905. С. 41–42.

6. Там же. С. 41.

7. СПбФ АРАН. Ф. 317. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–22; Дневник путешествия прикащика купца Зубова С. Я. Ключарева из Троицка в Ташкент и обратного

пути из Ташкента в Троицк. С примечаниями В. В. Вельяминова-Зернова // Вестник ИРГО. 1856. Кн. 5. Отд. 5. С. 137, 148–149.

8. *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965. С. 16, 46, 106; *Муқанов М. С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974. С. 40, 43–44, 46.

9. *Аристов Н. А.* Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерк истории и быта населения Западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек, 2001. С. 412; *Волобуев В. И.* Некоторые итоги реконструкции карты Джунгарии И. Рената // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 1993. № 6. С. 13.

10. Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. М.-Л., 1950. С. 170.

11. *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Изд. 3-е. Уфа, 1999. С. 79–80.

12. Там же. С. 29.

13. *Потанин Г. Н.* Наши сношения с джунгарскими владельцами // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1876. С. 22–24, 35–36; *Гуляев С. И.* Заметки об Иртыше и странах, им орошаемых // Вестник ИРГО. Ч. 3. СПб., 1851. Отд. 4. С. 68; *Моисеев В. А.* О военном деле и войнах Джунгарского ханства // Из истории международных отношений в Центральной Азии (средние века и новое время). Алма-Ата, 1990. С. 74.

14. *Ерофеева И. В., Аубекеров Б. Ж., Рогожинский А. Е. и др.* Аныракайский треугольник. Прил. № 2. С. 197–202.

15. *Букейхан А.* Общий очерк Павлодарского уезда // *Бөкейхан Э.* Таңдамалы. Избранное. Алматы, 1995. С. 125; Список населенных мест Сырдарьинской области за 1911 г. Ташкент, 1913. С. 46; *Тынышпаев М.* История казахского народа. С. 194–195; Специальная десятиверстная карта Омского военного округа. [Вторая половина XIX в.] Ряд XIII. Л. 7–9; Десятиверстная карта Туркестанского военного округа. Туркестан. Военно-топографический отдел. Б. м. Ряд V. Л. 6. 1906; Ряд V. Л. 7. 1906; Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область. Алматы, 2002. С. 292, 312; *Галиев В. З.* Битва при Буланты // Мысль. 2000. № 6. С. 61–64; *Козыбаев М. К., Галиев В. З.* Отечественная война против джунгарской агрессии в 20-х годах XVIII века. С. 121–149.

16. *Ерофеева И. В., Аубекеров Б. Ж., Рогожинский А. Е. и др.* Аныракайский треугольник. С. 34–36.

17. *Раднабхадра.* Лунный свет. История рабджам Зая-пандиты. СПб., 1999. С. 30–31 (ойратский текст), 78–79 (перевод); *Лыткин Ю. [Г. С.]*. Материалы для истории ойратов // Астраханские губернские ведомости. 1860. № 46. С. 283; Заметки по истории и этнографии киргиз // Записки Семипалатинского подотдела ЗСОРГО. Вып. 8. Семипалатинск, 1914. С. 8; *Құрбанғали Халид.* Тауарих хамса: (Бес тарих). Алматы, 1992. 150 б.

18. *Чернышев А. И.* Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990. С. 70–71.

19. *Құрбанғали Халид.* Тауарих хамса. 104–107 б.

20. *Кузнецов Л.* О надписи на камне «Тамгалытас» в пустыне Бетпақдала в Атбасарском уезде Акмолинской губернии // Записки Семипалатинского подотдела ЗСОРГО. Вып. 16. Семипалатинск, 1927. С. 124.

21. Государственный каталог географических названий Республики Казахстан. Т. 6. Ч. 1. А-К. Карагандинская область. Алматы, 2006. С. 236, 274.

22. Специальная десятиверстная карта Западной Сибири. Омск, 1919. Р. XIII. Л. 7.

23. Научный отчет о полевых исследованиях в Улытауском районе Карагандинской области в 2010 г. по теме «Исследование исторической местности междуречья Буланты-Белеуитты в контексте казахско-джунгарских отношений в XVIII веке». Исполнители: Э. Р. Усманова, Е. Ж. Оразбек, С. В. Перезовов. – Научный архив КазНИИ ПКНН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 127–128.

24. Там же. Л. 124–126.

25. О Большой Калмыцкой дороге см.: Посольские материалы Русского государства (XV–XVII вв.) / История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 1. Алматы, 2005. Док. № 252. С. 382–383; док. № 266. С. 412; *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария // История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. 6. Алматы, 2006. С. 66–67; Ландкарта пограничных мест Оренбургской и Сибирской губерний. Сочинена вновь при оренбургских пограничных делах по приказанию Оренбургской губернии от Заграничной экспедиции для употребления при рассуждении нынешних заграничных обстоятельств в Оренбурге в ноябре месяце 1758 года. – ОР БАН. ООК. № 605.

26. Об особенностях рельефа, ландшафтов и гидросети Центрального Казахстана см.: *Коровин Е. П., Селевин В. А.* Физико-географический облик Бетпақдала / Труды Среднеазиатского Государственного университета. Сер. 12. География. Вып. 13. Ташкент, 1935; *Медоев Г. Ц.* К геоморфологии мелкосопочника Казахской степи // Известия Казахского филиала АН СССР. Сер. геологич. Вып. 2–3. Алма-Ата, 1944; *Зайцев Н. С., Покровская Н. В.* Геологическое строение района Тесбулак и Бетпақдала // Труды Института геологических наук СССР. Геологическая серия (№ 33). Вып. 102. М., 1948; *Мынбаев К. М.* Пустыня Бетпақдала. Алма-Ата, 1948. С. 7–85; *Баюшева М. И.* Условия формирования и методика расчета максимального стока на территории Северного и Центрального Казахстана // Труды Государственного Гидрологического Института. Вып. 61. М., 1957; *Малиновский В. Ю.* Основные этапы развития рельефа западной части Казахского нагорья и северных районов Бетпақдалы // Известия вузов. Геология и разведка. Алма-Ата, 1960. № 4; *Пальгов Н. Н.* Реки Казахстана. Алма-Ата, 1960; *Беркалиев З. Т.* Гидрогеологический режим рек Центрального, Северного и Западного Казахстана. Алма-Ата, 1959; *Никифорова К. В.* Кайнозой

Голодной степи Центрального Казахстана. М., 1960; Природные условия и естественные ресурсы СССР. Казахстан. М., 1969; Рельеф Казахстана. Ч. 1, 2. Алма-Ата, 1991; *Гельдыева Г. В., Веселова Л. К.* Ландшафты Казахстана. Алма-Ата, 1992; Республика Казахстан. Природные условия и ресурсы. Алматы, 2006.

27. СПбФ АРАН. Ф. 317. Оп. 1. Д. 47. Л. 11 об.

28. О пространственной локализации этих джунгарских караулов см.: *Ерофеева И. В., Аубекеров Б. Ж., Рогожинский А. Е. и др.* Аныракайский треугольник. С. 40–41; Прил. № 3. Примечания к «Карте расположения джунгарских караульных постов на территории Южного и Юго-Восточного Казахстана (XVII – середина XVIII века)». С. 203–209.

29. О пустыне Каракум и смежных районах Северо-Восточного Приаралья как постоянном месте зимнего кочевания хана Абулхаира и других правителей Младшего и Среднего жузов в первой половине XVIII в. см.: Журнал бытности в Киргиз-кайсацкой орде переводчика Маметья Тевкелева. 1731–1733 гг. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 3. Алматы, 2005. С. 81–111; *Гавердовский Я. П.* Обзорение Киргиз-кайсацкой степи или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 5. Алматы, 2007. С. 393–394, 410–416; Материалы поездки поручика Пензенского гарнизонного пехотного полка Карла Миллера и геодезиста подпоручика Алексея Кушелева с торговым караваном из Оренбурга в Ташкент (29.08.1738–05.06.1739) // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 6. Алматы, 2007. С. 54.

30. *Кушкумбаев А. К.* Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. Алматы, 2001. С. 17–30; *он же.* Историческое значение облавной охоты в военном деле кочевников Центральной Азии // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 23–24 апреля 2009 г. Алматы, 2010. С. 181–196; *Ерофеева И. В.* Феномен «скифской тактики» ведения боевых действий в истории казахско-джунгарских войн: экологические аспекты военного искусства кочевников // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 21–23 ноября 2007 г. Алматы, 2008. С. 76–103.

31. Научный отчет о полевых исследованиях в Улытауском районе Карагандинской области в 2010 г. по теме «Исследование исторической местности междуречья Буланты-Белеуитты в контексте казахско-джунгарских отношений в XVIII веке». С. 115.

32. *Диваев А. А.* Мавзолей Кок-Кесене. С. 41.